О. Б. Хабарова

ОБ ОДНОМ ЭПИЗОДЕ «ЖИТИЯ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ»

Оригинальный памятник древнерусской литературы XVII века – «Житие Юлиании Лазаревской» («Повесть об Улиянии Осорьиной») традиционно рассматривается как пример разрушения агиографического канона, как открытие «частного человека» в литературе переходного периода[1].

Автор его – Дружина Осорьин (в крещении Каллистрат), муромский боярин, сын благочестивой богатой помещицы Улиянии Устиновны Осорьиной, умершей в 1604 г., называет свое произведение повестью: «Сказую же вамъ повьсть дивну, бывшую в роде нашем»[2].

Действительно, житие написано не профессиональным агиографом, а человеком мирским, к тому же сыном подвижницы, которая служила Богу и людям не в монастыре, а в миру. Этим и обусловлено жанровое своеобразие памятника, имеющего черты семейной хроники и первой биографии женщины-мирянки.

Один из исследователей «Жития Юлиании Лазаревской», М. О. Скрипиль, вслед за автором называет его «повестью», отмечая, что портрет Улиянии Осорьиной имеет черты, чуждые агиографическим нормам, но характерен для нее как для героини светской повести. Свой тезис ученый подкрепляет следующим примером из текста: Улияния под влиянием суеверия окружающей среды боится одиночества и темноты: став на молитву ночью, без мужа, она, испугавшись бесов, бросается в постель и, укрывшись одеялом, крепко засыпает[3].

Однако трактовка разобранного эпизода не может не вызвать возражений. Его, конечно, нельзя объяснить «суеверием окружающей среды», как пишет М. О. Скрипиль.

Этот эпизод имеет традиционные параллели из популярного на Руси литературного сборника – Пролога, который, без сомнения, был известен Каллистрату Осорьину.

41 – 9799

Так, в Прологе XVI века под 2 октября помещено Слово о Святом Андрее «како ему сотворися Христа ради похабъство» [1] (т. е. юродство), где рассказывается, как в одну из ночей святой «стал на молитву». «Неприязненный димонъ», завидуя «доброму начатию его», сильно бьет в двери «храмины».

Святой «ужасается» от страха и «охапися молитвы, скоро на одре возлегъ, покрывся козичиною своею. Се же видьвъ, сотона радъ бысть» [подчеркнуто мною. – *О. Х.*]. Далее повествуется о том, что «от страха того» блаженный уснул «твердо». Во сне он видит множество демонов, похожих на черных «ефиопов». Примечательно, что Слово Пролога говорит о святом Андрее как о молодом, неискушенном – был он «младъ вельми».

Обратим внимание на то, что подобный мотив присутствует и в «Житии Юлиании Лазаревской». Заметим, что сюжет об Андрее юродивом известен древнерусским книжникам с XII века, житие этого святого, переведенное в XI – начале XII в., было любимым чтением и попало в Пролог уже к середине XII века. Проанализированный мною эпизод о «страхе» святого является общим и для текста «Жития Андрея Юродивого», и «Проложного Слова о святом Андрее». Прологом, вероятно, пользовался автор «Жития Юлиании Лазаревской» Каллистрат Осорьин.

В Пространной редакции этого памятника, помещенной в «Сборнике житий муромских святых и служб им» конца XVII – начала XVIII века [5], данный эпизод передается следующим образом: в одну из ночей подвижница начала молиться, но «ненавидяй же добра диавол с бесы своими» покушается на нее. Житие мотивирует поведение Юлиании, «убоявшейся вельми», тем, что она была «млада сущи и не искусна еще таковой вещи» [подчеркнуто мною. – *О. Х.*], поэтому она «возляже на постели своей и одьяниемъ покрывшись» [подчеркнуто мною. – *О. Х.*]. Крепко уснув, святая видит во сне множество бесов, пришедших «со всяцемъ оружиемъ», чтобы ее убить.

Надо отметить, что в некоторых списках «Жития Юлиании Лазаревской» говорится, что она «возлегла на одр», упоминается и «храмина», то есть лексика сближает текст древнерусского памятника со словоупотреблением Пролога.

Мы видим в этой сцене влияние традиции, закрепленной в Прологе, который автор «Жития Юлиании Лазаревской», несомненно, знал и использовал при составлении своего труда.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 307–311. Подробная библиография в кандидатской диссертации Т. Р. Руди: «Повесть об Ульянии Осорьиной» (Литературная история произведения). Л., 1989. С. 169–185, и в монографии: «Житие Юлиании Лазаревской» (Повесть об Ульянии Осорьиной) / Исслед. и подгот. текстов Т. Р. Руди. СПб., 1996.

Исследовательница определяет памятник как житие, выделяя Краткую, Пространную и Сводную редакции. Пространная редакция атрибутируется Дружине Осорьину.

Принимаем классификацию Т. Р. Руди. Для анализа привлечен вариант Пространной редакции.

[2] «Житие Юлиании Лазаревской» цитируется по «Сборнику житий муромских святых и служб им» конца XVII – начала XVIII века. РГБ, НИО рукописей. Ф. 209, Овчинникова П. А., № 298. Л. 196–233, 196.

[3] *Скрипиль М. О.* Повесть об Улиянии Осорьиной (Исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т.VI. С. 264.

[4] Пролог XVI века (сентябрь–март). РГБ, НИО рукописей, Ф. 310 Ундольского, № 225. Л. 67–69.

[5] Сборник житий муромских святых и служб им. Л. 200.